

Вн

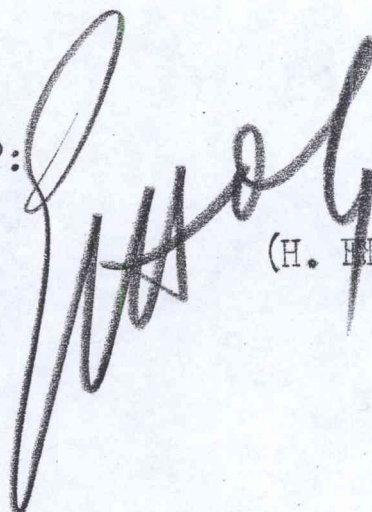
т. Ежова

121

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

ТОВ. С Т А Л И Н У.

В дополнение к протоколу допроса участника антисоветской организации правых КУЗЬМИНА В.В. (наш № 55952 от 22 февраля с.г.) направляю Вам его дневники, обнаруженные у него при обыске в Ярославской тюрьме.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР:
(Н. ЕЖОВ)

"23" февраля 1937 года.

№ 55968

1.

Когда-нибудь, вспоминая щедринскую сатиру на историю помпадуровской России, напишут продолжение знаменитой истории города Глупова с портретами деятелей советского коммунизма- всех этих ОРДЖОНИКИДЗЕ, КАГАНОВИЧЕЙ, МОЛОТОВЫХ и прочих тщеславных человекообразных. "Гвоздем" этой портретной галлерей будет, бесспорно, ДЖУГАШВИЛИ- СТАЛИН, социалистический УГРИМ-БУРЧЕЕВ старая обезьяна, приказывающая именовать себя не иначе, как вождем русского народа, даже не только русского, но вождем всех времен и народов, причем не просто вождем, но великим, любимым, родным, гениальнейшим, железным. Все эти от'евшиеся и обалдевшие от жиру отцы отечества, денно и ночью лезущие через трупы и кровь на исторические пьедесталы, неустанно позирующие перед фотографиями в позе самовлюбленных болванов, которых осыпают розами, хризантемами и прочими растениями, переименовавшие все российские города, улицы и предприятия в свои имена, повидимому, так и будут помещены в натуральном своем виде, как они печатаются в современных многочисленных изданиях, основанных на предположении, что у их читателей отсутствует какое-либо чувство юмора.

" Каждый день вождей портреты
Лица мудры и тучны,
Так и ждешь, что вот с газеты
Вдруг захрюкают они".

Понятно, сатирик не забудет и знаменитых большевиков- оппозиционеров, которые тоже ведь работают на " вечность", на историю. Сколько их было этих групп и не признанных де-юре вождей пролетариата. Целый маскарад! Как будто у ШЕДРИНА и

- 2 -

имена -то на прокат взять. Шляпниковцы и коллонтаевцы! Мясниковцы... Децисты. (Децисты -мелкобуржуазники и децисты -Госка-новцы). Троцкисты. (Эти делятся на множество течений , но в основном правые -троцкисты признаватели и левые троцкисты-отрицатели). Зиновьевцы! Бухаринцы. Сырцовцы...

Что это за люди? Чего им надо? Чего они так пекутся о бедном пролетариате? Чем они отличаются от власть имущих? Сталинцы-их-оппозиционных большевиков, честят, как контрреволюционеров, как авангард мировой буржуазии. В последнее же время просто как "подонков", как сборище " гадов", " фурий", " вредителей", "шпионов", "диверсантов". Это относится одинаково и к тем, кто капитулировал, но сидит в тюрьме или ссылке и к тем, кто не капитулировал. В свою очередь оппозиционные большевики за словом в карман не лезут и отвечают сталинцам, что у них не диктатура пролетариата, а совсем другое, что сталинцы- это термидорианцы, бонопартисты, бюрократы, а также гады и негодяи. В своей среде общность некоторых задач в борьбе со сталинцами, не мешает внутренней дифференциации. Каждая из групп считает, что истинно отражает интересы пролетариата только она, а прочие в этом смысле исторически и политически неполноценны и поэтому об'ективно, помимо, так сказать, своего желания льют воду на мельницу мелкой и даже крупной буржуазии. В общем все, в том числе и земной шар разделен на 360 частей и идет борьба со всеми частями. Вот здесь и разбирайся, особенно если во время так ожидаемой демократии все это выплывет наружу, запоем на все голоса, закричит, начнет доказывать, опровергать...

И действительно, трудно разобраться, как будто бы тюремные большевики и впрямь другие люди, чем господствующие большевики. Они говорят не просто ведь о диктатуре пролетариата, но о дикта-

- 3 -

туре истинной, подлинной, настоящей. Они отделены от господствующих большевиков реальной кирпичной стеной тюрем, господствующие большевики украли у них молодость, их здоровье и многое другое. Они окружены ореолом мученичества за мировую революцию, нимбом страдальчества за дело пролетариата не только одной страны, но всех стран. Правда, сатирик с горькой усмешкой отметит тут, как часты в истории маскарады, как часты драмы и комедии с переодеваниями. СТАЛИН ведь тоже некогда носил тюремный халат и был изгоем.

А разве якобинцы сознательно стремились к тому, чтобы политические свободы, права человека, права народа, общественная безопасность окончились политическим рабством наполеоновского абсолютизма? Для лучших якобинцев, как и для старой гвардии, сидевшей по тюрьмам и застенкам царской России, как и для теперешних большевиков, сидящих за решеткой сталинской тюрьмы — их лозунги не были пустыми словами, но искренним убеждением, за которые многие из них отдали жизнь. Сам Бонапарт вырос в школе Робеспьера, как СТАЛИН рос в школе ЛЕНИНА. И для Наполеона Робеспьер всегда оставался великим гением. И те самые якобинцы, которые в свое время мобилизовали все силы демократии для спасения революции, сделали НАПОЛЕОНА своим идеалом. Они прозвали его Робеспьером на коне. ПРУДОН метко говорит, что его 18 брюмера можно считать как бы отмщением за 9 термидора. И Наполеон заполнил якобинцами свой главный штаб, свои советы, свою администрацию. Он возвел их в дворянство, он раздавал им титулы князей, герцогов, графов, баронов, отмененные еще в начале рево-

люции. Он восстановил в армии упраздненное звание маршала и ввел орден почетного легиона. Для коронационной церемонии в соборе Богоматери, как говорит ОЖОРО, все было сделано, чтобы поразить пышностью, недоставало только 500 человек, погибших в борьбе против всего этого. Якобинцы выразили диктатору всю свою преданность, как и большевистская гвардия. Они создали формулу посвящения : император- это значит революция, император-значит демократия.

Оппозиционные якобинцы-большевики, те, кто сначала не узнал парусов, чьи ткани они сами соткали, некоторое время шумели, фрондировали, а затем все эти КОЛЛОНТАИ, ПЛЯНИКОВЫ, БУХАРИНЫ, РЫКОВЫ, ТОМСКИЕ, ПЯТАКОВЫ, РАКОВСКИЕ, СОСНОВСКИЕ и прочие быстро упали ниц к сапогам победителя. И только небольшие остатки, осколки старых групп продолжают еще упорствовать, считая, что они видят истинного бога, что они в отличие от СТАЛИНА представляют истинную диктатуру пролетариата. Они призывают хранить вчерашний день, и на праздниках Октябрьской годовщины, за решетками, распевая нестройно Интернационал, пытаются доказать себе, что они и есть истинные наследники Октября.

Этот спектакль взаимной грызни среди людей, молящихся одному и тому же богу, эта конкуренция, взаимопоедание друг друга со сценами капитуляции и сбрасывания бутафории, когда обнаруживается, что противники до того усиленно стремившиеся к отделению друг от друга, в сущности принадлежат к одному и тому же лагерю - как все это раскрывает интимное политической сферы, борьбы за места. Интернационалы, начиная с первого, были, в сущности, банками с пауками, которые ели друг друга. ЛЕНИН добрался

ся до своей роли, убрав с пути ПЛЕХАНОВА, БОГДАНОВА, МАРТОВА. Все это так же старо, как и ново. Сообщение Светония о Тиберии выбрал 20 сенаторов из тех, которые были ему особенно преданы, чтобы составить нечто вроде ближнего совета. Спустя несколько лет их оставалось лишь двое или трое — остальные были отправлены к праотцам.

И все это является интимным содержанием не только политической сферы, но сущностью всей цивилизации, основанной на разделении труда, где они получают монополию на образование, на искусство, политику, жизненный комфорт, а другие обречены на работу в качестве прислуги, крестьян, шоферов, чернорабочих, шахтеров. При этом в каждом из этажей существуют в свою очередь свои высокие и "теплые места". Надо сталкивать других, пробиваться локтями, употреблять тысячу всяких ухищрений, чтобы чего-нибудь достигнуть, "выйти в люди".

Один из героев повести БУДАНЦЕВА "О страданиях ума", говоря о своих впечатлениях о русских университетах, отмечает: "Люди необыкновенно упорны и несправедливых антипатиях и вражде. И это очень печально — именно среди таких людей. Каждый в одиночку загрыз бы десяток других и питался достоянием трупов. Но это невозможно и они группируются. Гнусные и бессмысленные интриги, враждуют, объединяясь кто по чинам, кто по национальному признаку. Между профессорами великороссами, поляками, немцами не стихает смехотворное подобие войны, изображающей в малых масштабах междугосударственные распри, но злее, скучнее, безысходнее. Они группируются, но как назвать такую солидарность людоедов, которая делает их еще беспощаднее к врагам из других кружков".

- 6 -

И дальше БУДАНЦЕВ делает одно характерное замечание: " Каждая минута содержала напоминание, что существовать можно только по милости службы, не наукой, не талантом мыслить, а тем, что уживаешься со средой, которая злорадничает с мальчишки де слезает спесь, и которая между усмешками потрепывает покровительственно".

И вот кусочек нравов литературной среды. Речь идет о советских поэтах. " Значительная часть наших поэтов замкнулась в литературной среде. Эта идущая в стороне, замкнутая в органическом кругу жизнь ничего не может дать поэту, вызывая скуку, утомление от сплетен и интриг, взаимного поедания друг друга и склонности " отдохнуть " от всего этого за бутылкой вина, за картами и т.д. И так идет жизнь довольно большого количества поэтов. Посещение издательства, редакции журнала и при этом разговор, что вот такой-то, у которого рифма глагольная и метафора, никудышная и то, и се, и пятое, и десятое, вот он напечатался там-то, да заключил договор там-то. Ему покровительствует такой то. А такой то свазал про ваши последние стихи то-то и то-то, а раньше он говорил совсем другое. Затем с утомленной головой и раздражением против политиканов " и " бездарностей " -отдых с каким-нибудь очередным другом за вином и продвижение тех же разговоров с созданием молниеносных блоков и оборонительных наступательных союзов против вчерашних союзников. И наконец, ночью со "свежей головой" - творчество. А с утра опять то же самое". +УСИЕВИЧ. О поэзии. Лит.газета от 5 ноября 1933г.)

Наиболее чистым, свободным от всего наносного, затемняющего проявлением духа дарвиновской борьбы в современной цивилизации

разделения труда является дух "Американизма", о котором говорит ЗОМБАРТ в своей работе о "Судьбах американского пролетариата".

"Мы наблюдаем у всех американцев, начиная с мальчика-разносчика неутомимое стремление подниматься вверх через головы других. Идеалом американцев является не одно приятное пользование своей жизнью и не достижение гармонии самодавяющей личности, а одно лишь движение вперед. Отсюда вытекает его неутомимость и безустанное стремление к деятельности, а также не знающая стыда и сове~~сти~~ конкуренция во всех областях. Быть больше других, становиться крупнее.

X

X

X

Взаимная конкуренция на почве борьбы за "тепленькие" местечки, взаимное поедание во всех областях общественной жизни, получают относительно свободное выражение в условиях, когда система эксплуататорского разделения труда имеет своей надстройкой демократию. Тут каждый рекламирует свой товар, строит свою собственную демагогическую платформу против другого, несмотря на отсутствие действительного противоречия принципов. Тут раздолье для улова избирателей, голосов, для маскарада, для обмана окружающих насчет своей истинной сущности и т.д.

ЗОМБАРТ, ОСТРОГОРСКИЙ, БРАЙС и др. очень хорошо показали нутро политики и демократии и в частности борьбу двух главных американских партий, как охоту за должностями.

"Т.н. "система дележа добычи - пишет ЗОМБАРТ, господствует в США, вообще говоря, со времени президенства Джексона (1829-1933г.) Система эта основывается на следующем положении: "добыча принадлежит победителю", в главных чертах она сводится к тому, что должности распределяются не по служебным достоинствам соискателей, а по их принадлежности к той или иной партии. Правящие партии уже в течение многих лет с полным успехом применяют испытанное средство "обезвреживания" известнейших вождей рабочих путем предоставления им доходных должностей. В данную минуту известнейший вождь горнорабочих Джон МИТЧЕЛЬ берет на себя обязанности вице-секретаря по делам штата в Вашингтоне. Подсчитано, что за небольшое число лет в ряды чиновничества перешло в Масучусете 13 вождей рабочих, в Чикаго - 30. После этого, можно ли быть социал-демократом и требовать коренных изменений существующего общественного строя, когда перед глазами все время носят образы грядущего, более чем сытого существования. Каким нужно обладать самоотвержением, чтобы вечером проповедовать своим товарищам о безвыходности политики господствующей партии или о необходимости социалистического движения, когда днем одним из дельцов "большой" партии предложена кандидатура на доходную должность или обещан жирный куш при дележе "добычи", которая достанется после победы на выборах".

Профессиональные политики, добиваясь местечек на верхних этажах в системе разделения труда, спекулируют на всем: на противопоставлении себя правительству, тогда как они ничем принципиально не отличаются от тех, кто сидит в правительстве,

на настроениях избирателей, на нищете, лишь бы достигнуть своего. Демократически настроенные политики ныне не настолько примитивны, что бы не понимать, что рабов-всех этих рабочих и крестьян которые делают для них вещи, сеют хлеб, строят дома, стирают белье, добывают уголь, можно назвать "товарищами", обращаться с ними так, как будто они "равные" с ними, давать им избирательное право, выпускать для них даровую газету и ловить их на этой "демократической" удочке.

"Выборная агитация", на которую тратятся огромные деньги, сводятся прежде всего к простой покупке профессиональными политиками голосов." В среднем голос негра- пишет ЗОМБАРТ- стоит три доллара. Впрочем, большую часть голосов, даже голосов низших слоев народа, приобрести такими грубыми приемами нельзя. В силу этого руководители партий снискивают себе расположение широких масс беднейшей части населения помощью, оказываемой им в беде и нужде; одному осуждают они доллар, другому достают бесплатный железнодорожный билет, третьего в холодный день снабжают углем, четвертому дарят на Рождество курицу. Больным покупают лекарство, родным умершего продают за полцены гроб и т.п. Наряду с этими услугами идет щедрое угощение в распивочных. К каждому избирателю по меткому выражению ОСТРОГОРСКОГО под'езжают с его слабой стороны. Одному из избирателей надо получить из полиции разрешение на продажу в разнос или на открытие питейного дома, другой нарушил строительный устав или чувствует за собой какое-либо другое преступление- "механизм"-приводит все в порядок, оказывая на надлежащие власти давление в пользу своего клиента, что возмож-

но в виду того, что власти эти (как выборные лица) по большей части в руках вождей партии. Но иногда профессиональные политики начинают действовать в другом направлении, налагая штрафы на упорствующего избирателя и, если не всегда привлекают его на свою сторону, то по крайней мере, наводят страх на других. Так если дело идет о человеке, служащем в каком-либо учреждении штата или города, то политики добиваются его отставки; если избиратель имеет мастерскую, фабричная инспекция допекает его строгим надзором".

КЭНТ, теперешний сотрудник биржевого "Уолстрит-Джорнал" пишет, описывая собрания делегатов, где намечаются кандидатуры: "Делегатов, будто бы представляющих народ, волочат и тянут, покупают и продают индивидуально и пачками, убеждают или надувают, независимые делегаты всегда в слабом меньшинстве".

X

X

X

Но в условиях господства одной партии, как это имеет место в СССР, в Германии, в Италии политический маскарад становится если не невозможным, то в высокой степени затрудненным. Разводить демагогию, изображать из себя заклятого врага режима и правительства, в то время как по существу нет коренных разногласий, а есть лишь разногласия раздутые, надуманные, несущественные и дело сводится к тому, чтобы самим сесть в кормилу правления и эксплуатировать социальные низы - вся эта демократи-

- 11 -

ческая обиденность, более или менее безопасная в странах с демократическим режимом, становится дорого стоящей роскошью в странах тотального государства, в странах, где за каждую даже полуоппозиционную мысль приходится расплачиваться утерей места, квартиры, жизненного комфорта, разрушением семьи, ссылкой и тюрьмой.

И здесь обнаруживается очень характерная черта всех этих якобы оппозиционных партий и группировок, всей будто бы радикально настроенной интеллигенции: они в большинстве капитулируют, убедившись, что правительство держится крепко. Начинается массовая капитуляция, как это имело место, в частности, в СССР и в Германии. Люди отказываются от себя, своих убеждений, наговаривают на друзей. Доносы! Подлость! Оппозиционность и все эти высокие фразы оказываются просто болтовней фарисеев, которые прикрывали фразами о пролетариате, социализме свои собственные интересы.

РЮТИН — один из авторов платформы, написанной так архиреволюционно и страстно, что кажется человек не задумывается отдать все в борьбе за то, что написано, — капитулирует. РАКОВСКИЙ! Его считали левее Троцкого. Ему посылали из тюрьмы телеграммы, какие можно посылать только самому господу богу. И какие им статьи написаны против режима. Такие люди не могут капитулировать. И вот однажды все это пошло к черту и он откровенно заявил, что, будучи троцкистом, он занимался "спекуляцией на трудностях", "на обострении социальных противоречий в отдельных отраслях хозяйства, на разнобоях в снабжении рабочих и т.д."

Наиболее непримиримые из оставшейся кучки его сторонников, до того считавшие его идеалом пролетарского революционера, конечно, не задумались определить его в подлецы, проститутки и предатели. Они забыли, проклиная РАКОВСКОГО, что его поведение и поведение их — это лишь два разных выражения одного и того же, что благодаря этому они часто сходятся, что эти неизбежные определения того строя, который они сами защищают. И как бы для иллюстрации этой общности некоторые из тех, кто так энергично ругал РАКОВСКОГО, капитулировали сами.

А почему в сущности и не капитулировать?

Ведь для политиков, журналистов, писателей, для интеллигенции, если она стоит на почве современного разделения труда и считает, что бороться против того, что на свете существуют классы: интеллигенция, рабочие, крестьяне, нелепо и утопично, есть только два выхода в жизни:

Или добиваться лучших мест со славой, комфортом и прочим, употребляя для этого самые различные средства и в частности альтруистические идеи; или, если игра не удастся, то сдаваться на милость победителю, — т.е. капитулировать. Что же делать? Независимость? Совесть? Но какая в конце концов разница: кому служить: красным, синим, зеленым или коричневым — раз приходится выбирать между привилегированным положением интеллигентного труда или тюрьмой. Ведь служить так или иначе нужно. Спускаться же вниз по социальной лестнице — стать к станку, пойти на землю — разве это выход? Переход от пера и кабинета к станку — нелегкая вещь. И потом там

тоже независимости нет. Приходится поэтому пожертвовать своими убеждениями, присмотреться к другим, чтобы жить в приличных условиях. И на этот путь вступает большинство. Стихотворцы остаются на Парнассе ценой того, что начинают писать оды вождю. Художники остаются художниками ценой того, что пишут портреты власть имущих или что-нибудь в этом роде. Это обычное явление даже и в странах демократии — в антидемократических странах все это выглядит лишь резче и очевидней. Но вот почитайте, например, чем занимаются лучшие писатели Франции для того, чтобы не быть выбитыми из писательской колеи: писатели рекламируют пылесосы, трубочные табаки, муку для детей. Роллан Доржелес написал роман по заказу фабриканта пулеметов ГОЧКИС. Марсель Прево описал манеру курить для фабрики папирос. Поль Валера написал книгу " Два человека на море " для лаборатории патентованных медикаментов. Члены академий и лауреаты литературных премий соревнуются друг с другом в изяществе стиля в описании ветчины "Олида", папирос " Леки Страйк " или шелковых чулок "Марни" (Лит. газета от 20 февраля 1935г.).

А что же делают , когда люди , кроме писать ничего не умеют. Приходится писать что угодно, лишь бы существовать. Писательское достоинство! Но это не предмет первой необходимости.

БАКУНИН в " Государстве и анархии " хорошо описывает путь молодых бюрократов : " В Турецкой Сербии нет ни дворянства, ни очень больших поземельных собственников, зато образовалась

новая бюрократическая аристократия, состоящая из молодых людей, воспитанных большей частью на казенный счет в Одессе, Москве, в Петербурге, в Вене, в Германии, в Швейцарии, в Париже. Пока они молодые и не успели развратиться на государственной службе, эти молодые люди отличаются большей частью горячим патриотизмом и даже в последнее время демократизмом и социализмом. Но лишь только они поступают на службу железная логика положения, сила вещей, присущая известным иерархическим и выгодным политическим отношениям берет свое и молодые патриоты становятся с ног до головы чиновниками, продолжая быть и патриотами и либералами. Но известно ведь, что такое либеральный чиновник, он несравненно хуже простого и откровенного чиновника-палки.

К тому же требования известного положения всегда оказываются сильнее чувств, замыслов и добрых побуждений.

Возвратившись домой, молодые сербы, получившие образование за границей, по образованию, а главным образом и по обязательствам своим в отношении правительства, на счет которого они по большей части содержались за границей, а также и потому, что для них решительно невозможно отыскать другие средства существования, должны идти в чиновники, сделаться членами единственной аристократии, существующей в крае, членами бюрократического класса. Вступив же в этот класс, они становятся поневоле врагами народа. Им хотелось бы быть может и весьма вероятно,

особенно в начале улучшить его положение, а они должны его давить и грабить. Достаточно прожить год-два-три в таком положении, чтобы с ним освоиться и, наконец, примириться при помощи какой-нибудь либеральной или даже демократически-доктринерской лжи, а такой ложью наше время богато. Раз примирившись с железной необходимостью, против которой они бунтовать не в силах, они становятся уже отъявленными мошенниками тем более опасными для народа, чем либеральнее и демократичнее их публичные заявления".

X

X

X

Интимные расчеты интеллигентов, политиков, даже тогда, когда они остаются наедине с самим собой, не всегда так циничны, как обязывало бы их собственное положение. Одни по молодости и неопытности, потому что мало видели жизнь и людей, не знали кухни и выгребных ям политики, вращаясь лишь в столовой с ее чистыми скатертями и в гостиной, не знали прозы политики культуры и увлекались ее поэзией, другие потому, что не имеют мужества посмотреть прямо самим себе в душу и предпочитают тьме низких истин их возвышающийся обман, третьи, потому, что никогда не пробовали осмыслить и связать свое я в какую-то цельность, отдаваясь то одним, то другим влечениям воли, чуждому влиянию, порывам чувства, четвертые потому,

что они рабы прочитанных книг, искажающих и фальсифицирующих жизнь и людей, и цитаты из вождей для них большая реальность, чем сама жизнь— словом так или иначе в силу сложности мотивов человеческого поведения значительное количество политиков, интеллигентов даже и не понимают по настоящему своего положения, живя в мире фальшивых абстракций. Благодаря этому в сущности мало поэтичная борьба политиков и интеллигентов за свою карьеру, за место в системе эксплуататорского разделения труда, освещенная ложным светом всяких абстракций о прогрессе и культуре сентиментальных, псевдогероических и всяких иных, восхваляющих интеллигенцию, рассуждений выглядит далеко не такой циничной, какой она является по своему объективному содержанию и имеет своих "святых", своих героев, свои каноны и свою романтику. Было бы даже странно для современной цивилизации, если бы дело обстояло иначе: порабощение колониальных народов, белой расой, тоже ведь имеет своих героев и свою романтику. Находится немало среди интеллигентов и в частности политиков таких, которые из одного честолюбия готовы отдать каплю за каплей свою кровь в надежде, что история воздвигнет им памятник, к которому не зарастет народная тропа, что их имена будут гореть огненными буквами в веках, а школьники и чувствительные девицы будут держать под подушкой их раскрашенную всеми цветами ложной поэзии эксплуататорскую чепуху и плакать, вспоминая как эти герои совсем не думали и о себе, а всю жизнь страдали за бедный пролетариат и за народ.

- 17 -

Нередко даже среди опытных политиков и интеллигентов вообще встречаются люди, которые не знают, чего они собственно хотят. Ленин в свое время возмущался " политической невоспитанностью россиян, сказывающейся между прочим, в неумении искать точных доказательств по спорным и важным вопросам, в наивном доверии к восклицаниям и выкрикам, к заверениям и клятвам заинтересованных лиц".

Нет настоящей " американской" последовательной борьбы за ясно определенные и четко поставленные задачи. Нет того, чтобы знали:

" Одной лишь думы власть
Одну, но пламенную страсть".

Троцкий вдруг выскочит с лиричнейшей статьей о Есенине, которая никак не вяжется с внешним образом Троцкого, мефистофельским обликом вождя, чувствующего себя на параде железных колонн мирового пролетариата, и которая является какой-то реакцией на это его, полное позы, театральности и исторического самолюбования. Я. БУХАРИН же типичный русский интеллигент - вдруг разражается грубой публицистической бранью над гробом Есенина совершенно в духе троцкиста Сосновского.

Можно этак подумать, что БУХАРИН и не идеолог правых в партии, не крестьянофил и не автор ложного вранья кулака в социализм. Тоже реакция на свое внешнее я.

БУХАРИНУ в глубине души было противно быть тем, что он был защитником всех этих правых отговорок и оговорок, всей этой пошлой мудрости: " тише", "осторожнее", "лучше меньше, да лучше".

- 18 -

Троцкий, объединяя большую группу людей в партии, вел их на борьбу под фанфарой ультра - революционных лозунгов, но сам, в глубине души, не верил в победу и самое главное не хотел ее. Его больше бы устраивала роль культурной, яркой, поправляющей, эффектной оппозиции. Он был слишком интеллигент, слишком журналист и слишком западно-европеец для России, чтобы действовать в том духе, как действовал Сталин, знавший точно чего он хочет, прочитавший и усвоивший Маккиавели и его тезис о вооруженных пророках, которые побеждали и невооруженных, которые как Савонарола, гибли. В аналогиях Троцкого с великой французской революцией с самого начала слышались ноты трагической безнадежности. А был бы Троцкий политиком типа Сталина, Ленина, знающим чего он хочет, он произвел бы государственный переворот раньше, чем сумел сделать это Сталин, имевший для этого гораздо меньше средств и ресурсов.

Точно также не знал точно, чего он хочет БУХАРИН - истерик, рассеянный профессор в нелепых сапожках и со сбитым на сторону галстуком, святоша и циник, левый и правый поочередно и одновременно, человек, умеющий видеть много ходов вперед и не способный провести активно и последовательно ни одной из задуманных комбинаций.

Клаузевиц говорит о решительности, как о своеобразном складе ума, побеждающем в человеке всякий иной страх страхом перед колебаниями и медлительностью.

Бухарин никогда не был решительным, он всегда во власти сомнений и не знает точно, чего он хочет, не то брать власть, не то ехать на охоту.

Мережковский в своем "Александре 1" пусть может быть преувеличенно, но вместе с тем очень метко рисует образы декабристов.

" Да людей мало— подтвердил Бестужев и с тем же преувеличенным жаром прочел стихи Рылеева. Всюду встречи безотрадные, ищешь, суетный, людей, а встречаешь трупы хладные иль бессмысленных детей."

" Да трупы хладные — вздохнул Рылеев и опустил голову. Ты что думаешь, Саша: других обличаю, а сам? Нет, брат, знаю: и сам подлец. За жену, за дочку, за теплый угол, да за звучный стих отдам все,— все свободы. А Якубович— тот бы за свою злобу. Каховский — за свою славу, Пущин за свою честность, Одоевский за свою шалость.

— А я?

— А ты (т.е. Бестужев) за картинки, за девченок, за аксельбанты флигель — ад'ютантские. Шелкоперы, свистуны, фанфарончики, наговорили с три короба, а только цыкни— и хвост подожжем. Эх, Саша, Саша, знаешь брат? Все мы кажется—осрамямся, в лужу сядем, ничего у нас не выгорит, ни черта лысого. Не по силам берем, руки коротки. Наделала синица славы, а моря не загла— правду говорит Пущин.

А вот другая тоже очень характерная оценка.

— Послушайте, Каховский, говорит Бестужев Каховскому. Вам Рылеев ничего не говорил о думе.— Ничего—

— Не понимаю ,право, что он томится? Такому человеку, как вы можно бы открыть все. Никакой , впрочем, Думы и нет, вся она в одном Рылееве.

- А как же Трубецкий, Пущин, Одоевский....

- Пешки в руках Рыдеева, он берет все на себя и об'являет мнения свои волей диктатора, обманывает всех и самого себя. Революция - его точка помешательства. Недурной человек, но весь в воображении, в мечтах, ну словом поэт, сочинитель, как все мы, грешные. Годимся только для заварки каши, а расхлебывать приходится другим. Не говорил ли Вам, что царубийство не должно быть связано с обществом?

- Говорил....

- Ну так в этом вся шутка. Он приготовляет Вас бить ножом в его руках, нанесет удар и ломает нож.

Вы лицо- отверженное, низкое орудие убийства, жертва обреченная. Кровь падает на Вашу голову, а они умоют руки, вас же первые выдадут.

Каховский сначала был охвачен яростью против Рыдеева, но затем выпив, признал , что он и действительно сирота.

В этом мире и не нужно ему ничего: ни славы, ни счастья ни даже свободы. Между тем Бестужев хотел его использовать для уничтожения общества во главе с Рыдеевым и создания своего общества, при чем Каховского сделать своим орудием.

х

х

х

Разные исторические костюмы. Разные страны. Разное оформление демагогии. А суть, несмотря на богатство форм выражения - одна и та же. Она заключается в том, что класс

людей- организаторов, управляющих, класс людей умственного труда добивается разными путями самоутверждения в системе эксплуататорского разделения труда. И какие бы лозунги мастера политических дел не выдвигали, раз они практически оставляют нетронутой основы цивилизации - ее разделения труда - они вынуждены будут логикой вещей лишь накладывать заплатки на старую дребедень.

Опыт социально-экономической практики показывает; я об этом достаточно говорил в первой части настоящей работы, что решение коренных социальных проблем невозможно по пути как фашизма, так большевизма и социал-демократизма. Борющиеся между собой фракции II и III Интернационала выражают собой борьбу класса организаторов за право сидеть на шее у классов производителей и использующих для своей борьбы пролетарские массы.

Всю правомерность подведения людей умственного труда под класс понимали хорошо. Маркс и Энгельс.

"Разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы, на господствующий и подчиненный было необходимым следствием прежнего незначительного развития производства. Рядом с огромным большинством населения, поглощенного исключительно трудом, образуется свободный от непосредственного производительного труда, класс, который берет на себя работу об общих нуждах общества, руководство работами, государственные дела, отправленние правосудия, науку, искусство и т.д. Таким образом, в основе классового разделения лежит закон разделения труда". (Анти-Дюринг).

Таким образом, никакой Америки нет в том, что бюрократия, интеллигенция, вообще люди свободные от непосредственного производительного труда представляют собой класс. В положительном эскизе нового общества Маркс и Энгельс выставляют требование ликвидации разделения труда. Все дело однако заключается в том, что этому хорошему лозунгу предпосланы исключаящие его предпосылки. По Марксу и Энгельсу основой социалистического строя является строй мирового крупного централизованного и концентрированного производства с сопутствующим ему разделением труда, но при уничтожении частной собственности. Этот строй мы и имеем теперь в форме СССР. Практика СССР для всех, кто хочет изучать действительное положение вещей и не обделен от книг и газет, показывает, что вопреки предположениям о решающей роли в эксплуатации масс частной собственности и анархии производства в СССР, несмотря на отсутствие частной собственности и анархии производства, эксплуатация не только не ослабела, не говоря уже об уничтожении ее, но значительно выросла, расширилась по сравнению с капитализмом. Разные демократические свободы, которые в урезанном виде и имеют место в капиталистических странах, в СССР вообще уничтожены. Сам СССР оказывается каким то ухудшением, завершением тенденций старого капитализма и капиталистической эксплуатации без частных капиталистов и помещиков. Роль же помещиков и капиталистов взяло на себя социалистическое начальство, сосредоточившее у себя все средства государственного насилия и фактическое распоряжение

производством и хозяйством, формально принадлежащим пролетариату, а в дальнейшем всему народу, от имени которого социалистическое начальство, бюрократия осуществляет свое господство. Вот это и есть живой социализм Маркса. Он, конечно, выглядит не таким раем, как это представляется Марксу, но здесь уж ничего не попишешь, большевики, честно выполняли учение Маркса.

Другое дело, если оказалось, что трудности капитализма в снабжении и обеспечении людей, эксплуатации, государственный гнет все это упирается в более сложные и коренные причины, нежели злая воля капиталистов, анархия и частная собственность.

В первой части своей работы я показал, что сущность дела заключается в производстве, в распределении производительных сил, в организации труда. Раз большевики встали на путь крупного концентрированного и централизованного производства с сопутствующей ему организацией всех элементов хозяйства, то им ничего не оставалось, как стать новыми угнетателями и эксплуататорами.

Но и в качестве таковых они однако не отказались от марксистской доктрины уничтожения разделения труда.

Очень часто в печати приводится цитата из Ленина:

— "Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и умственного труда" (Великий почин).

Но как это можно сделать оставаясь на почве такого уклада производства, который неизбежно вызывает и развивает классовые противоположности?

Здесь у Маркса конкретно ничего не сказано. Приходится советской бюрократии и идеологии советского коммунизма думать самим. И они начинают истолковывать проблему ликвидации противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, так, что действительно скоро и за коммунизмом дело не станет.

Всякий рост механизации в сельском хозяйстве, постройка домов городского типа в деревне, стахановское движение, ликвидация безграмотности и т.д. все это производится под понятие мероприятий, осуществляющих ликвидацию противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

В результате, конечно, в газетах болтают и треплются, а дело все остается по-старому: эксплуатация человека человеком остается, и не только остается, но совершенствуется.

х

х

х

Если сталинский режим - это Калибан, не желающий видеть, что он безобразен, то оппозиционные большевистские группировки-

это Калибан, смотрящий в зеркало и приходящий в ужас от того, что он там видит, но не понимающий или противоречащийся непонимающим, что это есть его собственное отражение. Это типичная форма того отчужденного мышления, которая так свойственна миру разделения труда. Маркс в свое время отмечал, что "там, где существуют политические партии, каждая партия видит причину всякого общественного зла в том, что вместо нее у кормила правления стоит другая, ей враждебная партия"...." политический разум есть только политический разум, ибо он мыслит в границах политики. Чем он призреннее, жизненное, тем несноснее, он понять социальные недуги... Принцип политики воля. Чем одностороннее и, стало быть, совершеннее политический разум, тем более варит он во всемогущество воли, тем более слеп он по отношению к естественным и духовным границам воли, тем он, следовательно, неспособнее открыть источник социальных недугов (том 1 изд. 1923 стр.428).

Практически эта иллюзия отчужденного мышления выгодна и дает возможность оппозиционным большевикам, эксплуатируя в сущности общие и им трудности и недостатки противника, обманывать окружающих насчет своей собственной сущности, представлять себя в виде ангелов, несущих рай в отличие от ада противника, и таким образом облегчить себе тернистый путь к власти над эксплуатируемыми массами.

- 26 -

Никакой положительной программы, принципиально отличной от проводимого курса, ни у одной из групп оппозиционеров- коммунистов нет. Все они очень старомодны. Это люди " Коммунистического " манифеста и 1-го тома Капитала.

Однако, для них потерян огненный пафос, дерзновение и широта, которыми одухотворены эти произведения. Современные большевики- оппозиционеры во многом разуверились, стали куда скучнее и все толкуют на сугубо-оппортунистический лад. Потом конечно, цитаты из Троцкого, Ленина, Р. Люксембург. Если "молодежь" прежнего призыва расийских марксистов имела в своих рядах большую группу людей, которые своими работами как в области программы и тактики, так и в области истории и философии существенным образом обогатили библиотеку марксизма х) то послеоктябрьское оппозиционное поколение жило, главным образом, проеданием этого капитала, не создавая ничего нового. Эти взрослые школьники, твердящие заученный урок, отличные мастера политической и вообще жизненной скуки, продолжали "молоть солому", которую уже двести раз молотили, не получив от нее ни единого зерна".

Эти люди, к сожалению, почти безнадежно убиты марксизмом с самого детства.

Тот кто хочет знать точку зрения, напр., так называемых, госкаповцев, тому совсем не нужно читать статей молодых госкаповцев. Надо взять работы Бухарина, надо прочесть работу Осинского "Строительство социализма" (1918г.)

х) ПЛЕХАНОВ, МАРТОВ, БОГДАНОВ, СТЕПАНОВ, ЛЕНИН, ТРОЦКИЙ, БУХАРИН, ЛУНАЧАРСКИЙ, ОСИНСКИЙ и др.

Тот, кто хочет ознакомиться с точкой зрения троцкистов, тому надо рекомендовать прочесть работы самого Л.Д. Ничего своего. Только и слышишь: "Как сказал товарищ Троцкий в "Проблемах", как сказал товарищ Троцкий в письме от 21 октября" и т.д. и т.д.

Основные споры вежутся не в плоскости противопоставления существующей советской практике своей положительной программы, что только и может являться подлинной содержательной критикой. Противопоставить то как раз нечего: традиционное болтание между НЭП'ом и военным коммунизмом уже слишком старо, болтание между большевизмом и социал-демократией свежее, но тоже с бородой. Кроме того, сама господствующая фракция сталинцев-большевиков все эти колебания проделывает и тут же вскрывает этим самым свою общность с тюремными большевиками- оппозиционерами. А оппозиционерам выгодней сказать, что они совсем иные, что они так, как сталинцы, ни в коем случае не сделали бы. Поэтому, уклоняясь от чего-нибудь положительного, большевики- оппозиционеры предпочитают вести таинственные споры о социальном существе существующего режима. Считается страшно революционным стоять на точке зрения отрицания диктатуры пролетариата в СССР. Про товарищей дерзнувших это сделать, говорят: это левый товарищ. Левые товарищи всех кто переходит на их точку зрения поздравляют,жимают им руки, очень трогательное зрелище, при чем бывший правый товарищ, тот самый, которого поздравляют, краснеет от возбуждения, смущенно теревит себе пуговицу и вообще держит себя, как в первый день рождения.

Ну, хорошо! Вы отрицаете, что это диктатура пролетариата. Вы говорите, что ЛЕНИН не так описал диктатуру в " Государстве

и революции". Вы считаете, что кости МАРКСА зашевелиятся от негодования, когда он узнает, что его имя и его борода сделались знаменем советского социализма? Что же вы хотите? Оказывается они хотят истинной, подлинной диктатуры пролетариата по книжке Ленина. Люди проспали все на свете, проспали тот факт, что из семян крапивы и чертополоха выросли именно крапива и чертополох как собственно и полагается по законам природы, и страшно удивлены почему это не ширазские розы. Они видите-ли, хотят САМИ посадить те же семена, будучи уверены, что на этот раз уже обязательно вырастет роза. Нет положительно скучно в этом обществе пожилых мальчиков и девочек!

Или выходит молодой человек с марксистской прической, которую он систематически шевелит своей пятерней, и держа в карманах брюк, пиджака, рубашки, а также в специальной толстой папке, лежащей перед ним на столе тщательно исписанные листки с цитатами и вырезками, заявляет, что вот де мы, госкаповцы придвидели, то, что вы-троцкисты, благодаря своей фракционной слепоте не видели: вы определяли фашизм, как господство финансового капитала, опирающегося вместе с тем на мелкобуржуазную контрреволюцию, а мы видели в фашизме осуществление строя госкапитализма, социальным эквивалентом которого является фашистская бюрократия, как класс. И вот начинается потасовка, кто-то радуется, кто-то не соглашается, кто-то несет такую околесицу, что ее вообще трудно надеть на какую-нибудь голову. И действительно: какой истинно пролетарский радикализм? Какое торжество марксистского предвидения! Госкаповцы видят новый общественный класс-бюрократию, а троцкисты - не видят его. Но почему же все-таки такое превосходство госкаповцев. Да просто потому, что люди

не понимают того что понимают грамотные и более их последовательные троцкисты. Если определить фашистскую бюрократию как класс, то это значит надо признать, что и в СССР стоит у власти бюрократия, как класс. Но это значит признать, что диктатура пролетариата осуществляется фактически классом бюрократии, который управляет его именем и обеспечивает известные преимущества пролетариату по отношению к крестьянству, городской мелкой буржуазии и т.д. Но тогда нужно логически признать и свою принадлежность к классу бюрократии и вообще внести ясность в свою концепцию рабочего государства. Здесь источник упорства. А госкаповцам- тем логика не нужна: приписывай свои черты противнику, чтобы о тебе подумали, что ты другой. Фашистская бюрократия? - класс. Сталинская? - класс. Ну а как ваша бюрократия будет классом? Наша! Что вы с ума сошли? Наша нет. У нас истинная диктатура пролетариата, без бюрократии. Мы - не можем быть бюрократами. Здесь была бы логика- в отрицании бюрократии, если бы госкаповцы стояли на точке зрения немедленного уничтожения разделения труда, и не декларативного, а практически разработанного- но этого -то как раз и нет. Они предлагают тот же строй с разделением труда и хотят сесть на спину рабочим и крестьянам как тот же самый СТАЛИН, ГИТЛЕР, МУССОЛИНИ, РУЗВЕЛЬТ и проч.

Кстати сказать, оппозиционные большевики и сталинцы очень хорошо раз'ясняют друг друга. СТАЛИН на словах куда радикальнее оппозиционеров; он ввел социализм, он говорит о шагах в направлении к уничтожению разделения труда и т.д. и т.п. Тюремные же большевики раз'ясняют, что никакого социализма нет и это дело вообще очень долгое, об уничтожении же разделения труда вообще говорить нелепо:

Таким образом, они раз'ясняют не только свою собственную оппортунистическую сущность, но попутно откровенничают и за СТАЛИНА. А СТАЛИН в свою очередь откровенничает за оппозиционных большевиков, показывая своими заявлениями, как оптимистично расценивали бы свои мероприятия оппозиционеры, если бы они находились не в тюрьме, а у власти.

Возьмем теперь другую сторону тех же споров о социальном существе режима СССР. Согласно марксистскому талмуду получается, что основным и решающим критерием для характеристики общественных формаций являются формы собственности. Вот приходят децисты и не отрицая этого талмуда, не выдвигая новой методологии, говорят: " СССР есть такой же фашизм и опять празднуют победу недомыслия над троцкистами. Последовательные троцкисты между тем не хотят снимать противоположности между фашизмом и СССР. Они понимают, что опять эту противоположность это не просто убрать какую-нибудь прогнившую балку, это значит надо послать к черту все мировоззрение. Онять противоположность значит заявить, что различие государственной и частной собственности не является решающим, что Сталинский СССР находится в одной графе с фашизмом. В отношении сталинских большевиков признать это многим троцкистам и хотелось-бы: чем крепче ругаешь, тем лучше. Но здесь проклятая логика. Вместе с этим надо будет признать и себя, свою систему если не фашистской, то находящейся с ней в одной плоскости потому, что троцкисты, хотя и не признают класса бюрократии, но упразднять -то бюрократию они не собираются, практически ломать современное разделение труда они не думают. Они разве лишь против наиболее

одиозных форм классовой иерархии: всяких там чинов, званий, аксельбантов. Это надо отменить. Надо потряхнуть стариной, восемнадцатый годом! Тут они, конечно, забывают, что чины и звания это вещь полезная, если стоишь на точке зрения разделения труда, что это упорядочивает отношения, организует армию и в конце концов к этому приходит, после того как немножко побесятся и перебесятся.

А госкаповцам тем логика- зачем же? Они просто рассуждают. Одно дело у них, и другое дело при господстве других партий." Когда мы, де, придем к власти, то у нас не будет бюрократии- вот и все. Будет хорошо, хотя мы и не собираемся ломать существующего разделения труда. Мы не утописты". Но это и значит, что если у троцкистов есть по крайней мере воображаемая ширма, спасающая их от соседства с фашизмом в виде этого самого учения о роли форм собственности для определения общественной формации, то децисты не имеют и этой ширмы.

Троцкисты по своему последовательны. Они веруют в Маркса и в то, что между капитализмом и социализмом, как учил Карл Маркс, не может быть какой-нибудь иной общественной формации, а следовательно и господства какого-нибудь иного класса, чем буржуазия и пролетариат. Другой вопрос, что все это выдумка, что реально вещи иначе обобщаются, чем обобщал их марксизм, но во всяком случае со своей доктринерской точки зрения они последовательны. И многие из них напряженно следят за сталинским опытом проведения в жизнь марксистской системы: что из этого получится. А децисты те поставили крест на всем этом: СССР такой же фашизм, а фашизм есть господство нового класса- бюрократии. А вывод? Вывод- истинная пролетарская диктатура, т.е. надо вешать мочало и начать сначала.

- 32 -

Децисты-госкаповцы сквозь мутные и кривые стекла марксизма видят все же, что сталинский СССР и фашизм поразительно напоминают друг другу и они, доводя схему МАРКСА о концентрации и централизации до логического предела, выражают эту общность поведением СССР и фашистских стран под государственный капитализм, но они не в состоянии понять, во-первых, того факта, что их собственный государственный социализм, который еще с давних пор путали с госкапитализмом ввиду искусственности дефиниций, ничем по существу не отличается от столь "ненавидимого" или госкапитализма, во-вторых, узкий кругозор марксистской теории мешает им увидеть и оценить новые процессы в мировом капитализме, не имеющие ничего общего ни с госкапитализмом, ни даже с госкапиталистическими тенденциями. Верно, что сходство СССР и фашистских стран большое. Это не одно и то же, как говорят госкаповцы, но сходство безусловно, оно бросается каждому в глаза. И это сходство не потому, что там и там госкапитализм. Этого как раз нет. Но сходство тем не менее есть, несмотря на различие форм собственности. Дело в том, что различие форм собственности не играет той решающей роли для определения формации, какую придал собственности марксизм. Госкаповцы же потому все красят в госкапитализм, что они хотят увидеть жизнь, но никак не ценой отказа от тезиса о решающей роли собственности.

Правильно, что капиталистическое хозяйство приняло в значительной мере чиновничий характер, связанной экономики, планируемой и регулируемой государством. Но частная собственность осталась. Капиталисты-владельцы крупных предприятий стали до некоторой степени агентами, чиновникам государства лишь с более широкими полномочиями, инициативой и личной выгодой, чем имеют

хозяйственники-бюрократы в СССР. С другой стороны, хозяйственники-бюрократы в СССР при наличии государственной собственности становятся все более похожими на владельцев капиталистических предприятий: все реже становятся переброски, текучесть, перемены служб, постепенно вводятся чины и звания, увеличивается ответственность директоров, им дается большая возможность маневрировать, вводятся формы хозрасчетов, центр по мере возможности разгружается от мелочной опеки над предприятием.

Жизнь дает, словом, наглядные уроки по вопросу о сущности классов, раскрывая их самый глубокий источник - разделение труда: пожизненные профессии, деление на организаторов и организуемых, начальство и подчиненных.

Я уже подробно разбирал в первой части настоящей работы, насколько обща, несмотря на разные формы выражения, организационно-хозяйственная проблематика капитализма и СССР.

Я доказывал что эта общность вытекает из того, что капитализм, а в еще большей мере советский социализм строятся на базе концентрированного, централизованного, специализированного производства с вытекающей из него формой разделения и организации труда: разделением города и деревни, разделением умственного и физического труда. Я доказывал, что эта система является виновником того кризиса мировой цивилизации, какой мы переживаем и какой еще покажет себя в мировой войне. Самое направление перестройки капитализма, имеющей место особенно в связи с последним экономическим кризисом, ярко показывает, как это я еще докажу в дальнейшем, что основы хозяйственной и социальных трудностей коренятся именно в этой организации производства.

В капиталистических странах благодаря тому, что там экономика не является в таком мере организованной и связанной, как

в СССР, невыгодность и нерациональность современной крупной промышленности с сопутствующей ей организацией и разделением труда, проявляется в кризисах перепроизводства, в огромной хронической безработице, в крупных нарушениях обмена веществ в народном хозяйстве.

В СССР эти формы проявления невыгодности современной организации хозяйства подавлены и иначе направлены благодаря угрюм-бурчеевскому произволу над всеми элементами хозяйства и неслыханному росту эксплуатации народного труда. Кроме того имеет значение, что в СССР более благоприятная, чем в других странах экономическая география, а также факт меньшей урбанизации населения.

Но эта же социалистическая угрюм-бурчеевщина делает СССР и отсталым в сравнении с передовыми странами капитализма, ту-пым, негибким, неспособным быстро реагировать на требования хозяйства. Становятся архайичными и российские оппозиционные большевики, продукт общей отсталости страны, страдающей от мажоризма, ленинизма, сталинизма. И здесь следует отметить еще одну черту большевистской оппозиции. До сих пор подчеркивались моменты сходства фашизма, сталинизма, социализма, оппозиционного большевизма, как систем эксплуататорского разделения труда. Пора подчеркнуть и различие. Если пойти хотя бы мысленно на встречу мечтам будущих чиновников большевистской оппозиции о Кремле, то нельзя при этом отделаться от сопоставления фашистских и большевистских чиновников. Последние выглядят в сравнении с первыми, как старьевщики и во многом уступают им. Кадры большевист-

тских чиновников ближе всего все же к обычным заскорузлым чиновникам, какими, к сожалению, всегда отличалась отсталая Россия.

х

х

х

Есть еще один существенный вопрос — национальный. Именно здесь большевики-оппозиционеры, большевики-ленинцы отделились от господствующих большевиков, противопоставляя свой "интернационализм" "национализму" сталинцев, а последние в свою очередь заявляют о своем превосходстве и своем "интернационализме" в сравнении с гитлеровцами, "социал-шовинистами" и т.д. Как дело обстоит на самом деле? На самом деле, несмотря на известные различия всех этих политических течений, стоящих на позиции эксплуататорского разделения труда, их объединяет одна эксплуататорская сущность, выражением которой являются и их постановки национального вопроса.

Суть современного разделения труда — это порабощение классом организаторов, управляющих классов производительного труда. Это разветвляется в целую сложную систему господства-подчинения. В области национальных отношений последняя проявляется в порабощении одних наций другими в многонациональных государствах в господстве больших государств над малыми, в господстве белой расы над цветными народами, в навязывании зависимым народам чуждой им английской, немецкой и т.д. идеологий.

Так, как марксизм не покидает практически почвы современного разделения труда, то его идеологи и практики неизбежно попадают в колею тех отношений, которые проложены современной

- 36 -

организацией хозяйства и людей. Совсем не случайно, что II Интернационал во время империалистической войны занял позицию социал-оборончества. Совсем не безосновательны ссылки русских социал-шовинистов (ПЛЕХАНОВ и др.) на тактику МАРКСА в войне 1870г., немецких (ЛЕНЧА, ДАВИДА и др.) на заявления ЭНГЕЛЬСА в 1891г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией вместе; ссылки КАУТСКОГО на то, что МАРКС и ЭНГЕЛЬС, осуждая войны, тем не менее постоянно от 1854 до 1870-1871 и 1876-1877г. становились на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разразилась. Это кажется несколько странным в сопоставлении с тезисом МАРКСА об интернационализме, с лозунгом, что "рабочие не имеют своего отечества", с проповедью мировой революции. Ведь марксизм в идеале как раз стремится свести всех людей в единое мировое хозяйство, в единое мировое безнациональное общество. Лозунг самоопределения наций, который выбрасывала социал-демократия, и большевики в особенности носил в сущности демагогически-агитационный, тактический характер. ЛЕНИН это неоднократно раз'яснял. "Отделение вовсе не наш план, но мы стоим за право отделения, ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после свободного отделения. Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма. Исключение это безусловно необходимо перед лицом черносотенного великорусского национализма (ЛЕНИН, XX, т.1).

"Конечно, российские большевики, немецкие социал-демократы и т.д. были бы рады сделать империалисты " великих держав", как мечтал об этом Ватикан совершенно в духе марксистского

мракобесия, как мечтал об этом декабрист ПЕСТЕЛЬ, говоривший о всесветной революции на основе русской правды, как мечтал об этом Александр 1, грезивший о власти Священного Союза над всей землей.

Но пока руки коротки приходится ограничивать так или иначе свою мировую экспансию. Большевики по своему не плохо защищали "единую", "неделимую", "великую" Россию. ЛЕНИН, выведенный из терпения, зло нападал на тех, кто бросал большевикам: "Осторожнее с политическим самоопределением наций". Как бы оно не повело к распаду государства" и писал: "Мы социал-демократы- враги всякого национализма и сторонники демократического централизма. Мы противники партикуляризма. Мы убеждены, что при прочих разных условиях крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решать задачи экономического прогресса". После "прощупывания штыком". Польши и неудачного марша на Берлин в 1932г. пришлось ограничиться защитой исторически сложившихся границ и затем теоретически оформлять существующее положение в виде целой теории о социализме в одной стране, идти на компромиссы с окружением и т.д.

Но как навязывания националистического начала в духе великодержавных шовинистов, так и навязывание антинационального начала в духе социалистических иезуитов, на самом деле не имеет ничего общего с освобождением людей. На деле это лишь форма порабощения человека. Причем марксистский антинационализм и космополитизм, от которого практически одного социалисты всех стран в решающую минуту для их государств отступали, представляет собой в сущности глубоко национальное начало, лишь маскирующее себя интернациональным. В сущности это выражение психо-

логии той части еврейства, которая, потеряв надежды на восстановление своего национального я, стремится всюду и везде приспособиться к ассимилироваться. Эти бродячие Агасферы, странствующие по лицу земли! пытаются однако сделать из этого своего особенного бытия, из этой своей исторически сложившейся судьбы, универсальный принцип для всего человечества общежития. Дух этих Агасферов становится близким и родственным не только евреям, но и людям других наций, если этим людям приходится вести бродячую, эмигрантскую жизнь, ассимилироваться в эмиграции и т.д. Кроме того, этот дух национального безличия может стать близким и людям доктринерского склада ума, ума отвлеченного, сухого, математического, смотрящего на людей, как на абстрактные единицы.

Сами по себе, как частные убеждения, и национализм и анти-национализм, и всякие другие измы не заключают в себе насилия над духом других людей. Но в условиях современной цивилизации, когда власть имущие, класс организаторов и управляющих, имеют все возможности распоряжаться не только достоянием, но и мыслями подвластных граждан, приход к власти людей тех или иных национальных особенностей создает юзможности для норабощения людей других национальных особенностей и в национальном отношении.

Правительство СССР с этой точки зрения является прямым издевательством на социалистическими чувствами и самолюбием разных народов, загнанных под одну крышу СССР- этой социалистической тюрьмы народов. СТАЛИН-ДЖУГАШВИЛИ, Лазарь КАГАНОВИЧ. Серго ОРДЖОНИКИДЗЕ. Вячеслав МОЛОТОВ - не угодно ли видеть "любимые" и "дорогие" вожди СССР. Чем это лучше господства найки татарских ханов над Россией, поляков в период смуты, проходимцев-временщиков, вроде БИРОНА, ОСТЕРМАНА, МИНИХА и т.п.

Нельзя себе представить освобождения общества без освобождения каждого человека. Но каждый человек — это мир индивидуальности. У каждого человека свой рост, свой темп роста, свои варианты в ходе и расположении кровеносных сосудов, своя микроскопическая структура отдельных органов, свои особенности в строении извилин и борозд мозга, свой особый характер реагирования на внешние раздражения.

Ни Гиппократ, с его известной схемой человеческих характеров ни КРЕЧМЕР со своей классификацией, ни акад. ПАВЛОВ, ни ШЕКСПИР, давший бессмертную портретную галерею — никто не исчерпал и не может по самой сути дела исчерпать всего богатства цветов и оттенков человеческой личности. Но индивидуальные особенности обобщаются в известные и национальные, расовые отличия, которые связаны с естественной и исторической средой, в которой растет человек. Расовая физиология находится еще в зачаточном состоянии. Но для науки ясно и бесспорно наличие национальных и расовых особенностей: и подлинная мировая, интернациональная, общечеловеческая проблема заключается не в том, чтобы сделать всех безличными членами марксистского иезуитского ордена, а в создании таких общественных условий, при которых личность со всеми ее особенностями, будь то национальными или космополитическими особенностями, не была бы принесена в жертву целому, а получила бы благодаря своей максимальной возможной свободе и независимости от государства, от целого возможность наиболее полным образом развить свое человеческое я.

А это как раз требует, как я доказывал в первой части работы, отказа от принципа разделения труда, от принципа господства класса организаторского труда. С этим связан и отказ от

принципа крупного, тем более мирового национального или много-национального государства. Национальный вопрос вообще не является чем то самостоятельным, он функция определенной социально-экономической системы. Система национальных государств при всей проповеди ее идеологами патриотизма, защиты отечества и т.д. - показала свою полную несостоятельность и с точки зрения обеспечения свободы и признания национального я. Всегда господствующие классы, эти показные радители патриотизма и отцы отчества, продавали и предавали оптом и в розницу своих подданных господствующим классам других наций в обмен за услуги по подавлению восстаний угнетенных в их собственных странах.

х

х

х

Подвожу итоги: фашизм, социализм, - социализм социал-демократов, большевиков, оппозиционных большевиков- все это идеологи класса эксплуататоров и паразитов. Паразитизм представителей этого класса организаторов и управляющих не в том, что они ничего не делают, а в том, что их рост и развитие идет за счет большинства других людей, имеющих столько же и сплошь да рядом больше прав на развитие своих способностей и вынужденных всю жизнь работать в сфере производительного труда за жалкий, рабочий, обезчеловеченный уровень жизни, потому, что при такой явно нерациональной экономически организации хозяйства, которая связана с разделением труда, в частности разделением города и деревни имеет место огромное недопроизводство. Этот уровень духовной и материальной жизни отнимает у большинства возможность жить полной, человеческой жизнью, ибо " великие страсти- духов-